

Слепцов В А

Питомка

Слепцов, В.А.

Питомка

(Деревенские сцены)

I

По крутому краю большого глинистого оврага пролежала полевая дорога с сухими, жесткими колеями; то спускаясь в овраг, то цепляясь по самому гребню косогора. В овраге кое-где рос кустарник, кое-где стояли желтые лужицы, над которыми роились столбы мелких мошек. Солнце садилось, в побуревшей ржи свистели перепела.

Шла проселком молодая баба с котомкою за спиной. На бабе было старое ситцевое платье, мужские опорки на босу ногу и белый платок на голове. Шла она скоро, помахивая палочкой; иногда останавливалась, поправляла котомку, оглядывалась кругом и опять шла, мерно покачиваясь из стороны в сторону, уставив глаза куда-то вдаль. А вдали виден был все тот же овраг с порыжевшим бурьяном да пестрые полосы спеющих хлебов.

Вдруг позади загремела телега. В телеге сидел мужик. Баба свернула с дороги в сторону и, не оглядываясь, пошла поскорей. Мужик, поравнявшись с бабою, приостановил лошадь и сказал:

- Путь-дорога! Куда бог несет?

Баба поклонилась и, не глядя на мужика, молча шла стороной.

Мужик посмотрел на нее, тряхнул шапкой и сказал:

- Эй, ты! Тетка! Слышь, что ль?

Баба все шла и молчала.

Мужик посмотрел, посмотрел, покачал головой, сказал про себя "глухая" и вдруг замахал руками, крича бабе:

- Ай ты глухая?

Баба остановилась и сказала:

- Чего тебе?

- Здравствуй!

- Здравствуй!

- Что ж ты не откликаешься? Видишь, - человек.

Баба недоверчиво глядела то на мужика, то на его лошадь.

- Садись, подвезу, - сказал мужик.

Баба не решалась.

- Садись, говорят. дура!

Баба подумала, подумала и села.

- Ну, вот, - сказал мужик, - Сиди! Соль тут у меня в мешке.

Баба подобрала подол и положила руку на мешок.

Поехали.

Немного помолчав, мужик спросил:

- Ладно что ли?

- Ладно, - потихоньку ответила баба.

- То-то. А не хотела. Богу молиться ходила? - опять спросил он ее.

- Нет. Я вот... Деревня такая есть... У меня прописана... - и баба полезла было к себе за пазуху; однако ничего оттуда не достала, а только почесала под мышкой и прибавила:

- Бердяева деревня...

- Какое Бердяево?

- Бердяева... аль Гордеева. да, Гордеева.

- Где ж это такое? Не слышать что-то по здешней стороне такой деревни. Кое же это место?

- А я не знаю.

Мужик обернулся к бабе лицом и в недоумении спросил:

- Ты сама-то чья?

- Я дальняя.

- Дальняя. Зачем же ты идешь?

- А вот... Девочка у меня тут отдана... В шпитонках. Повидать девочку-то бы мне.

- А-а! Да, да. Так ты деревню ту и не знаешь?

- То-то не знаю. И спросить-то как, тоже не знаю.

- Ну, так. Сама-то из Серпухова будешь?

- Из Москвы.

- Московская. Да. Тоже не ближний свет. Да, да, - в раздумье говорил мужик и еще немного погодя спросил: - Велика девочка-то?

- Нет, махонькая.

- Ну, ничего, - сказал мужик. - Даст бог, найдешь. Сиди! Ишь ноги-то у те!

Баба посмотрела на свои тощие, загорелые ноги, неподвижно вытянутые вперед, и прикрыла их платьем. Мужик задергал вожжами и замахал хворостиной. Лошадь побежала шибче, звонко стуча своими нековаными копытами по сухой дороге. Баба затряслась на мешке и молча посматривала по сторонам. Солнце между тем уже село, и в поле поднялся ветерок. Впереди показались избы; дорога завернула куда-то в сторону, пошла межами и совсем затерялась во ржи. Мужик, прислонившись к передку и свесив руку, задумчиво постегивал хворостиной придорожные травки и затянул было песню. Проехали так еще с версту.

- Как деревню-то сказывали тебе? - спросил он у бабы.

- Мм... Мокей... Мокеева...

- Ну, вот мы здесь спросим. Тут у меня приятель есть такой... А! Настоящий купец. Ну, только и ёрник 1 же!

Стали подъезжать к деревне. Дорога легла позади дворов, мимо гумен, потом пошла конопляниками и вывела в переулочек, к кабаку. Деревня была плохенькая - домов двадцать. Некоторые только еще строились после пожара и стояли без крыш. От новых срубов пахло смолой и дымом. На улице народу совсем не было; только на краю деревни три девчонки сидели на завалинке и, поджав под себя ноги, визжали во всю мочь:

Шел из Питера штафет.

Присылал милой газет.

Я газетик полуцзяла,

С издавольствием цитала...

Мужик остановил лошадь у кабака и спросил:

- Ты станешь, что ли?

Баба замотала головой и ответила:

- Нет, я не стану. Я посижу.

- О? А то пойдем! Что ж? Ничего. Ведь озябнешь. Еще пять верст до ночлега.

- Нет, я не озябну.

- О? Ну так сиди же, смотри. Я сейчас.

Мужик вошел в кабак и, высунувшись из окна, крикнул бабе:

- А то огурчика? Вынести, что ль?

- Не стану.

- Соленького? А? Ты гляди, какие огурцы-то. Ну, не надо. Сиди, сиди!

К телеге подошла собака, понюхала у лошади хвост и ушла опять на завалинку.

В кабаке засветился огонь и видно было, как мужик вылил шкалик в стакан, выпил, утерся полою и, заговорив с целовальником, стал раздирать пальцами кусок вяленой рыбы. Видно было, как целовальник безымянным пальцем скостил что-то на счетах, поглядел сонными глазами на свечку, почесался и вылез из-за стойки. Наконец оба они вышли на крыльцо, и мужик сказал целовальнику:

- Глякась, какую я себе бабу везу.

- Да, баба ничего, - зевая, ответил целовальник.

- Гм!.. - сделал мужик, залезая в телегу. - А ты как об нас полагаешь? Ну, да ладно же. Прощай. Матри, коли што, так ты и тово, алибо што. С нашими тогда наказать можно. Гляди, не прозевай.

- На что зевать, - сказал целовальник, - С богом!

Лошадь тронулась.

- Ах, постой, брат, постой! Какая тут такая вотчина есть Свербеева господина? Не слышать? Ай Гордеева?

- Гордеева, - подтвердила баба.

Целовальник задумался.

- Не слышал что-то. А тебе на что?

- Да вот молодке-то моей туда было нужно, беспреренно нужно побывать. Девочка у нас с ней там есть. А то вот что. ну-кось, как тебя звать-то?

- Анисьей.

- Ну-кось, Анисья, покажи-кось ему, где у те там прописано. Он эти все дела разберет.

Баба полезла было за пазуху и задумалась.

- Что ж ты? - сказал ей мужик. - Да ты не бось, дура, он не отымет. О, глупая! Он только глянет одним глазком и все узнает. На что ему твоя записка?

Баба послушалась, развернула тряпочку, достала оттуда лоскуток бумаги и отдала его целовальнику. Целовальник вошел в избу, а мужик стал копаться в каком-то лукошке, приговаривая:

- Он разберет. Ишь завязал, теперь ни в свете не развяжешь. Разберет. Как не разобрать. Мужик острый. Не развяжешь. А, мухи те ешь! Развязал. Эй! Как тебя? Анисья! На-ка, закуси! Неравно поесть захочешь, - сказал он, сунув бабе два кренделя. - Ребятенкам везу. Они у меня охотники смертные. Что ж ты?

- Я не хочу, - отозвалась баба.

- Ешь, дура, ничего.

- Я не хочу.

- Говорят: ешь, черт!

Баба взяла крендели, но не решилась есть.

Целовальник вышел на крыльцо.

- Ну, как дела? - спросил его мужик.

- Тут написано - Целибеево. Это Борки должны быть.

- Борки. Это за Шелепихой? Знаю. Ну, теперь найдем. Будь спокойна! уверил он бабу. Она

завернула опять бумажку в тряпицу.

В поле совсем почти смерклось. Проехав деревню, мужик вытащил из-под себя зипун и отдал бабе, говоря:

- Возьми укройся зипунишкомто, все тепле.

Баба сказала: "На что?" - однако оделась.

Немного погодя мужик обернулся к ней, посмотрел ей в лицо и спросил:

- И чего ж ты давеча, глупая, испужалась?

- Когда?

- Когда! А как встрелся-то я тебе?

Баба ничего не отвечала.

- И есть ты баба, - заключил мужик. - Глупый твой разум. Нешто мужик может обидеть? Эх, ты! - и еще немного погодя прибавил: - Вот девочку твою найдем.

- Дай-то господи, - шепотом сказала баба.

- Где ж у те хозяин?

- Помер хозяин у меня, вот другой год пошел.

- Одна живешь?

- Одна. У купца в стряпухах живу.

- Кто ж тебе записку дал?

- Этот, писарь дал.

- Какой писарь?

- А в шпитательном. Я там номерок выправляла.

- Ну?

- Ну, и сказал мне этот писарь, что, слышь, в деревню девочка отдана в шпитонки.

- А много ли он с тебя взял?

- Сперва-то было пять целковых просил. Я ходила, ходила, три раз ходила. Первый-то раз сказали, за шестьдесят верст в деревню отдана, я и пошла.

- Ну, что же? не нашла?

- Нет, нашла, да чужую, не свою. Моей-то четвертый годочек пойдет, а этой уж восемь лет.

- Значит, зря проходила?

- Зря.

- А в другой?

- А в другой опять записку дали, по Можайке, за Можаем за городом еще за сто верст. Ну, там сказали, померла, слышь, девочка-то. И звать совсем не так. Моя-то Прасковья, а эта Анфиса Егорова.

- Ну, писарь-то что ж говорит?

- Говорит, ошибка, говорит, вышла. Номера перепутали. Теперь, говорит, непременно найдешь.

- Пустое дело, - заметил мужик. - А деньги все-таки взял?

- Денег я ему два целковых еще в тот раз дала да полштофа водки. Ну, на чаю тоже пропоила с целковый; да вот теперь пошла, целковый рубль дала.

- Гм! Да. Эти писаря тоже ловко вашу сестру обчищают. Эх, сирота ты, сирота! Погляжу я на тебя. Сиротское самое твое счастье, - заключил мужик и задумался. Баба тоже задумалась.

Спустя много времени мужик тронул бабу пальцем и заговорил.

- Я тебе про себя расскажу, как меня эти писаря подвели. Нну! Надоумил меня тоже эдакий добрый человек вольную выправлять. А ты садись плотней! Вот. Что ж ты крендели-то не ешь? Ну и надоумь он меня, человек-то этот. "Вольный, говорит, будешь; в купцы выписаться можно". - "Вре?" - "Да пра", говорит. Ну, хорошо. Писарек тут один мне и подвернись. "Я, говорит, берусь. Пятнадцать целковых денег". Думал, думал, эх, в рот, мол, те, - пиши! Написал. И то он мне, а тебе скажу, написал, что меня за это за его письмо драли, драли... Может, целковых на три об меня хворосту одного обломали; да год в остроге высидел. Так вот они, писаря-то. И гляди на них.

Приехали в какую-то деревню ночевать. Остановились у одной избы. Мужик постучал в окно. Впустили. Хозяева только было сбирались ложиться. Баба вошла в избу, а мужик пошел отпрягать лошадь. Сам хозяин еще не ворочался с поля.

В избе было душно, мухи жужжали и лезли в лицо. На печи охала старуха; а вся семья была в клети. Хозяйка вошла в избу и, доставая из рукава блоху, спросила:

- Огурцы хлебать станете, что ли?

- Я не стану, - отвечала баба.

- Ну, а коли ложиться, ложитесь. Ты небось, молодка, с хозяином с своим?

В это время вошел мужик с мешком и с лукошком.

- Ну, вот, лошадке кормецу засыпал, незомь 2 пожует, - говорил он про себя. - Что у вас, хозяйка, в печи-то припасено что, ай нет?

- Мы ноне не топили, - отвечала хозяйка.

- Ну, ничего. мне только бы кваску испить. Господи бослови! - говорил он, зачерпнув ковшик. - Над, - до квасу-то я дорвался. Рыба эта, неладно ей будь, рыба-то уж очень в кабаке... ржавая. Обопьешься. Квас, должно, молодой?

- Молодой, не устоялся.

- То-то, не кисел. Ну-кось, еще ковшичек зачерпнуть. Не кисел. О мать пресвята богородица! С соленого-то пьется.

- Я бай, вместе стелиться станете? - зевая, спросила хозяйка.

- Кто? Мы-то, что ли? Нет, мать, мы врозь. Мы ноне с ней, я тебе скажу, вот как: чтобы ни отнюдь. Говеем.

Хозяйка не поняла и, улыбаясь, спросила:

- Что ж так?

- А так; потому спастись хотим. Вот что.

- Чудно, - сказала хозяйка и покачала головой. - Нешто вы...

- Да ну вас совсем! - вдруг отозвалась с печи старуха. - Греховодники! Ты и рада, девка, язык-то чесать, - заворчала она на хозяйку.

- Что мне радоваться? - ответила хозяйка.

- Постыдились бы хоть крошечку. Завтра праздник.

- А ты, старушка, помалчивай, - сказал мужик. - Лежи знай!

- Я лежу, голубчик, лежу.

- Ну и слава богу, коли лежишь. И мы ляжем, Анисья, ты в сенях, что ли?

- Я в сенях.

- Ну, а я пойду на двор. Коня напоим. Хозяйка, где тут бадья-то у вас? Ты у меня, Анисья, смотри, чтоб спать. Больней старайся спать. Завтра раньше вставать, - говорил он, уходя из избы.

Ночью звезды светили на дворе. В клети слышно было торопливое детское дыхание, и старуха в избе возилась и охала вплоть до самого утра.

Баба вскочила ни свет ни заря и собралась было уходить. Мужик проснулся, глядит, баба отворяет калитку.

- Куда ты?

- Да нет, уж я пойду.

- Ах ты, оглашенная! Что мне с тобой делать? Куда тебя несет этакую рань?

- Да по холодку-то лучше.

- Не ходи, говорят. Вместе поедем.

Баба осталась.

Солнышко взошло - поехали дальше.

Около полудня увидели большое село на пригорке, с деревянной церковью и садами, спускавшимися к речке.

- Вот они, Борки! - сказал мужик, указывая хворостиной на село.

Баба молча пристально глядела вперед.

- Народ тоже со всячинкой, - продолжал мужик, как будто рассматривая что-то впереди. - Хвалить нельзя. Первые кулаки в свете. Всю поселенную изойдешь, таких еще не найти.

Тоже торговлю у себя имеют, а хлеба нет. Больше насчет лошадей стараются. Ноне гуляют праздник. Что ж им? Дело их базарное. Кабак-то вот он!

Немного не доезжая до села, мужик остановил лошадь; баба слезла.

- Ну, теперь с богом, - сказал мужик. - Дай бог!

Баба подвязала котомку и собралась было идти. Мужик стал что-то поправлять колесо и, заглядывая под телегу, сказал:

- А косушечку с тебя бы нужно за провоз, для праздника.

Баба вернулась.

- Садись, я тебя до кабака довезу, так и быть. что с тобой делать? Но! - закричал он на свою лошадь. - Эх, молодость! Гляди, как запалим.

Телега живо подлетела к кабаку и остановилась у крыльца. Тут уже народу толпилось довольно. Одни сидели на завалинке, другие стояли, запустив руки в карманы, и смотрели на улицу.

Отставной солдат в ситцевом нагруднике погромыхивал на гармонии.

- Эка, братцы мои, житье-то у вас! - говорил мужик, слезая с телеги.

- У нас, брат, житье, - отвечали мужики, куря трубки.

II

После обеда народ гулял на селе; в разных местах собирались кучки; в проулках между дворов бабы песни играли. Мужики всё больше жались к кабаку. Тут на площадке орлянка шла отчаянная.

Приезжая баба, Анисья, ходила по дворам и все спрашивала:

- Нет ли тут девочки такой, Прасковьей звать?

- Какой девочки? - спрашивали ее бабы.

- Так, вут эдакинькая; четвертый годочек. В шпитонки взята.

- Нет, что-то нет такой, - отвечали бабы.

- Тебе шпитонку, что ли?

- Да.

- А вот у Сёмушкиных взята девочка.

- Что ты зря-то болтаешь?

У Сёмушкиных. Тое замуж скоро отдавать.

- Ну, к что ж? Не век же ей в девках сидеть?

- Да ты слышишь, махонькую нужно.

- Мало б ты что захотела. Где ж ее взять, коли нет? Ты бы родила да и дала ей, коли уж ты добра очень.

- Что ты меня-то родить посылаешь? Вперед на свой хвост оглянись.
- Мне глядеть нечего. Узоры не велики.
- Вот то-то и есть.
- Ты, милая, ворожишь, что ли?
- Нет, я не ворожу. Мне было вот девочку.
- О! А мы думали, ты ворожишь. На что ж тебе девочку?
- Дочка она мне.
- Дочка?
- Да, беленькая такая. Паранюшка.
- Нет, не знаю. Вон девочка шпитонка бегаёт, кургузая-то, вон! Подол на голову задрала. Ах ты подлая! Акуль! Акулька-а!
- Народят робятищев да и раскидают по чужим дворам, - ворчала старуха, сидя у ворот. - Ходят! Шлёнды московские; право. Взяла бы вас из поганого ружья застрелила. Суки!

На лужайке, против церкви, сидели бабы в красных рубашках. Одна говорила:

- Лежу я, девка, так-то и думаю: как бы мне не проспаться! А сон это меня схватит, схватит да как ударит; я и вскочу. А ночь темная-растемная. забылась я чуточку и вижу, быдто я хлебы в печку сажаю. Хлебы такие белые. Матушка быдто стоит эдак подпершись. "Какие, говорит, у нас хлебы-то удались, ровно как пшеничные". А я тороплюсь, сажаю. Как бы дух-от из печки не вышел, боюсь до смерти. Вдруг откуда ни возьмись свинья, пестрая да большущая, схватила один хлеб и убегла. я за ней: ах-ах-ах, ах-ах-ах, все бегу, все бегу, никак не догоню. И уж сама себя не помню, полем все каким-то бегу да все спотыкаюсь; кочки тут какие-то, ямы нарыты. А свинья эта обернулась ко мне и говорит: нет тебе ничего! посмотрела я на нее, а она страшная-расстрашная; зубы у ней вот эдакие... Я так вся и затряслась... Батюшки мои! Да как закричу и проснулась. А хозяин меня в бок толкает. Что ты, дура, орешь? Я бабке сказываю, она говорит: это кто-нибудь из родни помрет.

- А я вот, - говорила другая баба, - третью ночь все свекра-покойника свово вижу. Вижу, быдто мету я избу, а он, покойник, царство небесное, все меня сзади хватает. Я оглянусь, что, мол, ты, батюшка? А он мне: ничего, говорит, мети, мети знай!

- Да чтой-то, бабы, никак эта приезжая-то сюда идет?

- И то, никак сюда.

- Ну, что, голубка, не нашла девочку-то?

- Нет, все не найду.

- А ты бы к ворожее ходила. У нас тут недалеко старушка живет. Она бы тебе погадала.

- Да уж ходила я к ним: обещали верно, а все нет. И у Сергия-то чудотворца два раз была.

- Ты бы в правление еще ходила, - что писарь скажет. Пойдем, я тебя сведу, - вызвалась одна баба.

Пошли.

- У нас тоже, я тебе скажу, - говорила провожатая, - сладость-то не бознать какая. Девять душ! Шутка? Ребята мораются. Одних рубах не напасесси. Посто-кась, мы у мужиков спросим.

Мужики стояли кучей между кабаком и волостным правлением. Разговор у них был следующий:

- Что ж, известно, наше дело такое.

- Чт и говорить.

- Нет, вы, братцы, солдата спросите, он-то чт тут?

- Я чт? - спрашивал солдат.

- Да; ты-то чт?

Солдат подбоченился, наморщил брови и спросил:

- За Дунаем был?

- Нет, не был.

- Ну, стало быть, нечего мне с тобой и толковать.

Один пьяный мужик стоял среди улицы и, кланяясь другому, говорил:

- Вы наши отцы, а мы ваши дети. Отец милосердай!

А другой посмотрел на баб и сказал:

- Эти что, поганки-то, ходют здесь?

- Я милосерд, - закричал пьяный мужик.

- Брысь вы, шилохвостые!

На крыльце волостного правления тоже сидели мужики. Бабы подошли к ним.

- Степан Егорыч где? - спросила провожатая.

- А тебе на что?

- Да вот этой молодке нужно насчет девочки.

- Небось пьяный лежит Степан Егорыч-то ваш, а то у старшине.

- Тебе, тетка, девочку? - спросил кузнец.

- Да; дочку было.

- Скоро нужно?

Баба обрадовалась.

- Да поскорей-то бы лучше. Очень уж я...

- Ишь ты, какая проворная!

Мужики захохотали.

Приезжая баба отправилась к старшине. Писарь в это время сидел за столом и говорил:

- Они без меня шагу ступить не могут. Так ли я говорю?

- Это верно, - отвечал старшина, разбивая на лавке камнем орех.

- Я говорю, - продолжал писарь, - васкбродие, позвольте мне в отпуск! А он: я, говорит, тебе, собачий ты сын, такой отпуск задам - ты у меня своих не узнаешь.

- Там вас, Степан Егорыч, баба спрашивает, - сказала жена старшины.

- Какая баба?

- А я не знаю.

- Посылай ее сюда!

Вошла приезжая баба.

Старшина положил камень на окно и спросил:

- Что ты?

Баба поклонилась.

- Здравствуйте!

- Ну, здравствуй! Чего ж тебе нужно?

- К вашей милости.

- Не слепые, видим, что к нашей милости. Какое такое твое дело? спросил писарь.

Баба подперлась рукой в щеку, посмотрела на старшину, потом на писаря, заморгала, заморгала глазами и повалилась в ноги.

- Говори толком! Что валяться-то? - сказал писарь.

Баба поднялась и, стоя на коленях, сказала:

- Детища моя отдана в чужие люди. Не найду.

- Ну так что ж?

- Нельзя ли в книжке посмотреть? Шпитоночка она.

- То-то вот, - сказал писарь, - дуры вы. Ходите безо время. Нешто не знаешь, грех в праздник ходить.

Баба молча поклонилась.

- Это не дело, - заметил старшина. - Надо время знать.

- Отцы вы наши сиротские! - шепотом сказала баба.

- Нечево - "отцы". Отцы, да не ваши, - отвечал писарь.

Старшина подошел к бабе и, покачиваясь над ней, сказал: "Вот вы грешите, а начальство за вас отвечай".

Баба, стоя на коленях, посмотрела на него.

- Вот чт, - прибавил старшина и опять сел.

Баба встала и собралась было уходить.

- Ну да ладно, приходи ужо ко мне в правление, - сказал ей писарь. Беда мне с вами!

- Что станешь делать, - заключил старшина. - По глупости прощается.

Баба ушла.

На краю села стояла старая избенка, без крыши, с одним окном. У ворот торчала опрокинутая соха. В сумерки проезжая баба подошла к избе и постучала в окошко. Там кто-то закашлял и спросил:

- Кто там? Иди на двор!

Баба отворила калитку и вошла. По двору ходила овца. В сенях крыши тоже не было. Наверху, в слезах 3, копошились воробьи. Из избы послышался голос:

- Отыми, дверь-то отыми!

Баба попробовала было отпереть, но дверь была без петель и повалилась в сени.

В избе, на лавке, у самого входа, на зипуне, лежала больная женщина.

- Что ты? - спросила она.

Приезжая баба посмотрела вокруг и сказала:

- Писарь говорил: девочка у вас тут есть...

- Есть, есть девочка. хворает, как я же. замучила лихоманка. Ты мать, что ли, ей? Казенная она у нас. Коли мать - возьми! Самим есть нечего.

Больная встала с лавки, охая натянула зипун и вышла в сени, говоря:

- До нового хлеба далеко, а старый еще к святой приели. Все кое-как, кое-как, по чужим людям; да хворь-то пуще всего... О-ох! вот она лежит. Парань! А Параня! мать пришла, гляди-ка сюда!

В сенях, на доске, лежала в жару трехлетняя девочка, обернутая в тряпье. Больная женщина подняла мешок, которым была накрыта девочка, и показала ее приезжей.

- На вот, смотри! Она, что ли?

Девочка открыла глаза, с испугом взглянула на бабу и застонала.

- Не видать мне тут, - говорила приезжая. - Темно.

- Постой, я к свету вынесу. Паранюшка! Встань, ягодка ты моя! Головка болит, - говорила больная, подымая девочку и вынося ее на двор; больная села на порог, а приезжая припала к ребенку и торопливо стала его разглядывать. Девочка лежала на коленях, закинув назад горячую голову, с закотившимися глазами и раскрытым ртом.

- Ох, не зна'ю я так-то, - говорила баба. - Поверни-ка ты ее вот этак, на бочок. на правом боку родинка тут у ней.

- Постой, постой, - говорила больная. - Повернись чуточку! Вот так! Не бось! Мать тебе пирожка принесла. Не бось, милая! Что, есть, что ли?

- Нету.

- Ну, делать нечего. Видно, не она, - сказала больная и понесла девочку в сени.

Приезжая баба постояла на одном месте, поводила глазами по двору, потом подошла к двери, сказала: - Ну, прощай! - и вдруг ударилась об землю и зарыдала.

- Дочка ты моя милая! Детища ты моя ненаглядная! - причитала она, лежа на пороге и ухватив обеими руками свою дорожную палочку. Котомка на ней тряслась, платок съехал с головы.

Больная женщина подошла к двери, посмотрела, посмотрела на приезжую, сама припала к ней и стала уговаривать:

- Ну, что ты? Ну, что? Дура! Дура! Не плачь!

- Ох, очень уж у меня накопело, на сердце-то накопело... Со вчерашнего с утра вот этаким крошечки во рту не было...

- Постой, я тебе хошь водицы принесу, - сказала больная и пошла за водой.

Баба между тем встала, оправилась и повязала платок.

- Ну, я пойду, - сказала она, хлебнув из ковшика воды.

- Куда ж ты?

- Нет, пойду. Не могу я здесь.

И пошла опять вдоль села, той же дорогой, какой приехала.

Примечания

Впервые опубликовано в журнале "Современник" (1863, № 7).

1 Ёрник - озорник, беспутный человек.

2 Незомь - пусть.

3 Слеги - перекладыны, жерди, на которые кладут крышу.